

© 2010 г. С.И. Бойко

**ЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX В**

Рассмотрены действия Казанского губернского жандармского управления по пресечению антигосударственных выступлений в конце XIX в., причинами которых были этническая и конфессиональная составляющие. Показательными были события, связанные с проведением переписи 1897 г., прежде всего, отказ сельских татар принимать в ней участие. Офицеры КГЖУ в своих донесениях объективно отражали лишь внешнюю сторону конкретных событий, не всегда действовали оперативно.

Ключевые слова: Казанская губерния, жандармское управление, Всероссийская перепись населения 1897 г., этническое самосознание, конфессии, насильственное крещение, правительственная политика.

Эффективность деятельности правоохранительной системы всегда будет привлекать внимание исследователей как с точки зрения современных интересов государства, так и с целью изучения исторического опыта. Обращение к прошлому имеет значение не только для воссоздания объективных исторических процессов, свободных от идеологической составляющей, но и для реальных прикладных интересов. С этой точки зрения следует обратить внимание на изучение практического опыта работы различных правоохранительных органов, ее форм и методов, возможное использование их в условиях сегодняшнего времени с учетом реальной ситуации. Деятельность политической полиции в целом и жандармерии, в частности, достаточно хорошо освещена в литературе, имеются подробные обзоры трудов дореволюционного, советского и постсоветского периодов на эту тему [1,2]. В то же время, на наш взгляд, нередко вне внимания исследователей остаются многие региональные особенности в ее работе. Цель данной работы – показать возрастание этнических и конфессиональных проблем в работе Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) в конце XIX столетия. Для реализации этой цели рассмот-

рим такие задачи, как предпосылки для возрастания конфликтогенности ситуаций, связанных с этничностью и религией; конкретная деятельность жандармского управления по ликвидации антигосударственных действий и также попытаемся выяснить степень понимания причин возникновения конфликтов руководством управления. Одна из важных специфических черт Казанской губернии, в которой жандармское управление было создано в 1867 г., определялась ее этнической и конфессиональной неоднородностью. Собственно, отсутствие этнической гомогенности, было характерно практически для всех регионов России, но здесь подобная ситуация была представлена особенно ярко. По данным 1913 г. русские в составе населения губернии составляли 38,9%, татары – 31,2%, чувашаи – 22,8%, марийцы – 5,1%, мордва – 1,2% [3, с. 392]. Соответственно присутствовала и религиозная мозаичность: кроме православия население исповедовало ислам, среди чувашей и марийцев было немало язычников. Одной из государственных задач Российской империи являлось приобщение народов к православию, что являлось практической реализацией теории официальной народности. Процесс этот был нелегким, встречал сопротивление, сопровождался отпадением от христианства. Особенно остро воспринимались попытки крещения среди мусульман, абсолютное большинство которого в губернии приходилось на татар, и для них ислам являлся атрибутом национального самосознания.

Во второй половине XIX в. правительство проводило означенную политику гораздо продуманнее, использовало в своей деятельности переводную на языки народов Поволжья литературу, открывало школы для «инородцев» и т.д. Но очень часто эта деятельность не встречала понимания со стороны нерусского населения, воспринималась ими как стремление уничтожить их этническую и религиозную самобытность, в том числе и из-за недостаточной разъяснительной работы. Исследователи отмечают, что, например, значительные выступления татарских крестьян в 1878 г. произошли наряду с повышением налогового бремени, из-за распространения слухов о предстоящем крещении мусульман, о закрытии мусульманских учебных заведений и пр. В октябре 1878 г. волнения начались в Спасском уезде, затем распространились в других уездах (Казанский, Чистопольский, Мамадышский, Тетюшский), принимая резкие формы протеста, в том числе и насильственные действия в отношении представителей сельской власти [4]. С принятием закона от 16

июля 1888 г. об обязательном знании мутлами русского языка, о преподавании последнего в татарских школах, многие татары начали приписывать правительству намерения обратить всех российских мусульман в православие. Помощник начальника КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах сообщал руководству, что некоторые татары были до такой степени убеждены в этом, что начали распродавать свое имущество с целью переселения в Турцию. Собственно, такие настроения и практические действия не были новыми и характерными только для татар, хотя они, безусловно, составляли большинство. Известны случаи, хотя и немногочисленные, о переселении в Турцию бывших чувашей-язычников, принявших под влиянием татар ислам или же перешедших в эту религию из православия, проведенного насильственным путем [5, с. 19–30]. Одним из ярких примеров выступления татарского населения, в первую очередь крестьян, против действий государственной власти во второй половине XIX в. является их сопротивление первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Эти события известны, но не были объектом детального изучения до издания в 2000 г. монографии И.К.Загидуллина. Действия Казанской губернского жандармского управления (КГЖУ) им затрагиваются косвенно. Приведем только мнение автора, отмечающего, что жандармские офицеры в отличие от представителей других органов власти действовали более квалифицированно и умело, их рапорты и донесения отличались достоверностью и оперативностью [6, с. 15–16] Но целью его работы не была непосредственная деятельность КГЖУ, он ее рассматривает в связи с раскрытием ряда других сюжетов, поэтому осветим ее более подробно. Нам представляется важным выявить позицию и конкретные действия чинов КГЖУ в связи с неприятием татарской деревней важнейшего государственного мероприятия.

В советской историографии причины отказа татар-мусульман от участия в переписи объяснялись непониманием ими ее целей и задач, поскольку последние не были доходчиво разъяснены, и в то же время население с подозрением относилось к проводимым таким образом действиям, видя в них хотя бы скрытую попытку увеличения налогового обложения или новый способ русификации [7]. Как отмечал Ю.И.Смыков, главная вина за вспыхнувшее неповиновение и «беспорядки» ложилась на царскую администрацию, привыкшую смотреть на нерусские народы как на «инородцев», то есть

людей низшей расы [4, с. 193]. И.К.Загидуллин солидарен с высказанными мнениями, он полагает, что перепись была продолжением внутривластного курса царских властей со всеми характерными чертами, присущими деятельности бюрократического аппарата, не всегда понимавшего необходимость учета национальных особенностей страны. Автор особое внимание обращает на то, что пореформенная татарская деревня в религиозно-культурном плане представляла единое целое – и как сельское общество, и как мусульманский приход, в котором этническое и конфессиональное было тесно переплетено. Поэтому любая, явная или мнимая угроза сохранению этничности воспринималась как покушение на веру, и наоборот [6, с. 216–218]. В обзоре помощника начальника КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах за 1896 г. отмечается, что к концу года на вверенной ему территории среди татар начались волнения, вызванные предстоящей переписью населения. С появлением первых официальных сведений об этом мероприятии начали распространяться слухи, что в татарских селениях будут повсеместно устраиваться русские школы для принудительного обучения в них детей русской грамоте, затем последует насильственное обращение в православие всех мусульман [9].

В начале 1896 г. на русском языке была издана брошюра «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», которая начала распространяться среди населения, в том числе в Казанской губернии. Различные слухи, относящиеся к предстоящей переписи, имели хождение и в русских селениях, в том числе, связанные с надеждой о прирезке земли, отменой всех сборов и пр., что, естественно, не соответствовало действительности. По содержанию брошюра была направлена русским и другим православным народам, не учитывала особенности населения, исповедовавшего ислам. С разрешения главной переписной комиссии казанский губернатор в соответствии с местными условиями мог изменить текст брошюры при переводе ее на татарский язык, но власть не сумела этим воспользоваться, не обратила особое внимание татарского населения на то, что после переписи ни в образовании, ни в вероисповедании никаких изменений не произойдет. Брошюра на татарском языке была отправлена в уездные переписные комиссии в октябре 1897 г. и начала раздаваться населению в конце этого месяца, и разъяснительная работа также началась с октября [6, с. 112-113]. Исследователи отмечают, что

перевод был сделан без учета применения татарским населением некоторых понятий. В первую очередь речь идет о системе просвещения. Термином «школа» татары пользовались при именовании учебных заведений Министерства народного просвещения, земств, русско–татарских училищ, школ «Братства св. Гурия», церковноприходских школ. Татарские учебные заведения и в документах, и в обиходе назывались «мектебе» и «медресе». Фразу о необходимости знать численность населения для открытия школ татарское население воспринимало как открытие русскоязычных школ и, соответственно, закрытия мектебе и медресе. Различные разъяснения, публиковавшиеся от имени министра внутренних дел, шефа жандармов И.Л. Горемыкина, губернатора П.А. Полторацкого повторяли ошибки брошюры, к тому же доставлялись на места с опозданием. Еще одно разъяснение губернатора на татарском языке, в котором он успокаивал население и писал о том, что закрытия татарских школ не будет, как и насильственного крещения, отправлено в уезды 30 декабря, а 31 декабря министр внутренних дел разрешил публикацию объявления для разъяснения «недоразумений» среди мусульман [6].

Но время было упущено и напряжение не ослабевало, несмотря на то, что большинство мулл и представителей местной администрации пытались вести разъяснительную работу. Старший унтер-офицер КГЖУ в Спасском Затоне Н.Суханов докладывал помощнику начальника губернского управления в Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском уездах о ситуации с раздачей брошюр о переписи в Шербатской, Медяевской, Юрткульской и Трехозерской волостях. При их объезде с 27 по 30 декабря он получил сведения, что мусульманское население отказывается получать книги, не подписывают приговор о получении их для общества, несмотря на все разъяснения. 9 января 1897 г. он писал, что начавшаяся перепись среди татар не проводится, поскольку они отказываются называть даже свои фамилии. Попытки полицейского урядника повлиять на них окончились безрезультатно. Крестьяне ссылались на мнение своего общества, и говорили, что могли бы отвечать на вопросы переписчиков при его согласии [10]. Младший унтер-офицер КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах В. Гудочкин в отношении от 30 декабря 1896 г. сообщал, что 17 декабря в д. Малые Керменяхи собрался сход Мало-керменяхской волости, на котором речь шла об определении расходов волостного правления, а затем земский начальник 3-го участка Ильин начал го-

ворить собравшимся о предстоящей переписи, о том, что переписные листы составлены на татарском языке и предложил ознакомиться с ними. Некоторые сельские старосты эти листы получили, но затем житель деревни С.Ахмадзянов вышел к земскому начальнику и сказал, что волость переписываться не желает, десятник из этой же деревни А.Гареев начал упрекать старост за то, что они взяли переписные листы. Сход поддержал своих лидеров, и старосты листы вернули. Собравшиеся на сход заявили, что переписываться не будут. В.Гудочкин сообщал, что о происшествии было доложено губернатору, но никаких разъяснений не последовало, в то время как в соседних русских селениях перепись началась и проходила нормально [11].

Опасения татар подогревали и некоторые жители соседних русских деревень. Старший на жандармском пункте в г. Лаишев унтер-офицер А. Вавилов сообщал, что в конце декабря татарские и русские крестьяне привезли молотье зерно на мельницу и в ходе разговора двое русских стали говорить татарам, что скоро их всех будут крестить. Стоявший рядом мельник начал их упрекать за то, что они смеются над татарами, которые уже и так напуганы, после чего разговоров на эту тему не было. Слухи о предстоящем крещении возникли в том числе и из своеобразной трактовки различных ситуаций, не имевших непосредственного отношения к переписи, не только на селе, но и в городах. Так, начальник КГЖУ сообщал 3 января 1897 г. в штаб отдельного корпуса жандармов, что отказывается участвовать в переписи часть мусульман г. Чистополя. 27 декабря 1896 г. около 200 человек собрались у местного полицейского управления и заявили исправнику, что в переписи они участвовать не будут, но просили провести ее по имеющимся у местных мулл и в городской управе семейным спискам. Руководителю управления доложили, что 30 сентября 1896 г. в Чистополе был директор народных училищ Казанской губернии, который посетил медресе, и он будто бы сказал, что если учащиеся не будут учить русский язык, то он учебное заведение закроет. Речь шла о русских классах, открываемых в медресе для шакирдов, не достигших 16-летнего возраста. Такой порядок устанавливался Правилами о просвещении «иногородцев» от 26 марта 1870 г. Но заведующий медресе активно сопротивлялся этому требованию и запрещал ученикам посещать русский класс. Конфликт носил длительный характер, но на основании заявления чиновника и в связи с предстоящей переписью, среди мусульман Чистополя и распро-

странился слух о закрытии медресе и насильственном крещении. Начальник КГЖУ 3 января сообщил в столицу о ситуации в Чистополе и присовокупил, что мусульмане и других уездов губернии не желают участвовать в переписи.

Представители жандармского ведомства на местах сообщали, что ситуация накаляется, доходя до насильственных действий [13]. Так, помощник начальника КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах 14 января докладывал начальнику управления, что в татарских селениях Чистопольского уезда население угрожает убить каждого счетчика, поэтому многие из них подали заявления земским начальникам с просьбой освободить их от исполнения обязанностей. Чиновник охранительного ведомства беспокоился, что брожение умов среди татар может распространиться и среди православного населения. Он писал, что татары нередко убеждают русских не участвовать в переписи. Аргументом при этом служили слухи о якобы повторном закрепощении крестьян после проведения переписи. 31 декабря земский начальник 8-го участка Чистопольского уезда едва избежал расправы со стороны жителей д. Якушкино, чувашей по этнической принадлежности (в деревне жили татары, русские и чуваше). Жандармский ротмистр писал о крайней необходимости безотлагательных мер для восстановления порядка [14]. 16 января начальник КГЖУ сообщил в Департамент полиции, что 2 января в д. Баймурзино Тетюшского уезда в присутствии земского начальника 3-го участка Головни были избиты волостной старшина Валиуллин, полицейский стражник и другие представители власти. 7 января в д. Старая Кармала этого же уезда были избиты счетчик и волостной старшина. Когда 9 января в деревню прибыли судебный следователь и помощник прокурора 3-го Казанского участка, то собравшиеся крестьяне отказались подчиниться, а давать показания соглашались только в том случае, если будет решение сельского схода [15].

Среди татарского населения начали распространяться письменные материалы, в которых речь шла о перспективах насильственного крещения и повсеместном открытии школ с преподаванием на русском языке, если перепись будет проведена. Были в них и элементы организации действий населения. Об этом упоминавшемуся выше младшему унтер-офицеру В. Гудочкину сообщил мулла из д. Большие Нырты Х. Абдулгалеев, который 3 или 4 января присутствовал на общественном сходе, решавшем вопрос об участии в переписи населения. Со слов муллы, он начал разъяснять необходимость

переписи, говорить о ложности опасений по поводу христианизации, насильственного обучения в русских школах татарских детей. Один из присутствующих крестьян остановил его и дал бумагу, на которой на татарском языке были подтверждены все распространявшиеся слухи. Автор послания призвал мусульман крепко стоять за свою веру, не соглашаться на перепись. В тексте также было подчеркнuto, что муллы в 1870 г. за деньги перешли в русскую веру, и следовало подобие инструкции о том, чтобы мусульмане заявляли о нежелании своих детей учить русской грамоте, и о том, что они не хотят иметь мулл и муфтия, которые ее знают. Если же счетчики не будут записывать эти слова, то следует составить протокол и передать его начальству, чтобы все стало известно императору, которому, якобы, уже подано два прошения, но их задержали на почте. Мулла попытался оставить у себя эту записку, но крестьяне этого не позволили. В.Гудочкин извещал свое начальство и о другой записке «возмутительного содержания», которая была отобрана чинами общей полиции у одного из мулл [16]. Следует обратить при этом внимание, что события произошли 3 или 4 января, жандармский унтер-офицер узнал об этом 12 января, донесение отправил 16 января, получено оно 20 января. Иначе говоря, прошло более двух недель с момента события, и следует отметить отсутствие оперативности в работе жандармских органов.

Таким же образом действовал жандармский старший унтер-офицер Д.Кузнецов, сообщавший помощнику начальника КГЖУ в Тетюшском, Свияжском и Чебоксарском уездах о ходе переписи в д. Янгильдино Чебоксарского уезда, в которой проживали татары, исповедовавшие ислам. По его сведениям, до 4 января перепись шла без осложнений, из 470 домохозяйств более 300 было переписано, но затем сюда дошли те же слухи, что имели место среди татар других населенных пунктов. Сельский староста не принял губернаторского разъяснения на татарском языке, за что был арестован Чебоксарским уездным исправником, но перепись не проводилась. В д. Альменево этого же уезда она шла, но слухи среди населения циркулировали. При этом мулла, сам проводивший перепись, сообщил унтер-офицеру, что разговоры о крещении, насильственном обучении на русском языке возникли со слов помощника волостного старшины Новоковалинской волости Цивильского уезда, который будучи в нетрезвом состоянии в одной из татарских деревень заявил, что «вас будут скоро крестить». Когда татары довели этот разговор до сведения начальства, мелкого чиновника

арестовали на шесть дней, но оставили при должности. Из д. Янгильдино в Казань обществом были посланы 4 жителя, которые должны были получить разъяснения у «своих высших людей» и у губернатора [17]. Данный документ был составлен 17, а адресатом получен 20 января, то есть со дня прекращения переписи в д.Янгильдино прошло уже более двух недель. В Казань прибывали делегации, подобные отправленной из Янгильдино, и из других населенных пунктов. В городах обстановка среди мусульман также была напряженная, но перепись проводилась.

Но еще раньше, 7 января, в Департамент полиции и помощнику шефа жандармов были отправлены телеграммы о том, что среди татар наблюдается усиленное волнение, вызванное предстоящей переписью, увещевания не действуют, а власти не допускаются в некоторые села. Губернатор обращается к содействию войск. Военные команды стали направляться в места волнения с 9 января, но властям не сразу удалось достичь результата. Даже после наказания организаторов население не сразу прекратило сопротивление ее проведению, но, в конце концов, она была завершена в намеченный срок – 28 января 1897 г. По подсчетам И.К.Загидуллина, в выступлениях против проведения переписи участвовали жители 85 волостей и 422 татарских селений. В 8 из 10 уездов (кроме Свияжского и Чебоксарского) для усмирения крестьян были использованы военные команды [6, с. 184-185].

Если оценивать действия жандармов, то следует отметить, что с мест в Казань шли объективные сведения о ситуации с переписью. В то же время не всегда они докладывались оперативно, хотя перепись в первую декаду января была практически парализована. С этой точки зрения не во всем можно согласиться с отмеченной выше оценкой И.К.Загидуллина об оперативности деятельности жандармских офицеров. Они, как и представители других органов власти, причины выступления татар-мусульман видели, с одной стороны, в религиозном фанатизме татар, а с другой – в «полном их невежестве, граничащим с дикостью». Помощник КГЖУ в Казанском, Лаишевском и Чистопольском уездах полагал, что все это усугублялось непониманием большинством русского языка и вселяло в татар недоверие к властям и заставляло относиться крайне подозрительно ко всем таким правительственным распоряжениям, уяснить истинный смысл которых они не в состоянии [18]. На наш взгляд, руководители как губернской, так и российской жандар-

мерии не смогли вовремя оценить важность и масштабы перемен, происшедших в деревне с точки зрения формирования общеэтнических ценностей, которые скреплялись религиозными чувствами в татарской деревне прочнее, чем в русской или другой православной. Подъем этнического самосознания с учетом развития буржуазных отношений был закономерным явлением, но правоохрательными органами воспринимался как угроза целостности государству. Это стало для царизма одной из неразрешимых задач, а политическая полиция не смогла объективно проанализировать и понять еще одну государственную проблему. Кроме того, на этнической и конфессиональной основе произошло укрепление социального единства, когда крестьяне искали поддержку и разъяснений в Казани и других городах у представителей татарской буржуазии. Таким образом, налицо были элементы процесса консолидации татарского этноса. На наш взгляд, это облегчило и стимулировало в дальнейшем развитие народно-демократического движения татар в Первой русской революции и последующие годы. Но эти процессы в основном остались вне внимания жандармерии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.
2. *Чудакова М.С.* Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. Ярославль, 2003.
3. Большая Российская энциклопедия. М., 2008. Т.12.
4. *Смыков Ю.И.* Крестьянство Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века. Казань, 1973.
5. *Кураков Л.П., Краснов Н.Г., Губанов А.Р.* Чувашско-турецкие связи: прошлое и настоящее. Чебоксары, 2009.
6. *Загидуллин И.К.* Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань, 2000.
7. История Татарской АССР. Казань, 1950. Т.1.
8. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп.2. Д. 55 Л. 3 об.

9. Там же. Оп. 2. Д.65. Л. 2-2об.
10. Там же. Оп.1. Д.46. Л. 7–8, 43–43 об.
11. Там же. Л. 5–6об.
12. Там же. Л. 16–17.
13. Там же. Л. 1–4.
14. Там же. Л. 31–33.
15. Там же. Л. 37–38.
16. Там же. Л.69–70 об.
17. Там же. Л. 61–62.
18. Там же. Оп. 2. Д.65. Л. 3-3об.

***Чебоксарский кооперативный институт
Российского университета кооперации***

25 сентября 2010 г.